

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-91-115

УДК 821.161.1

ФЕЛИЦИТАРНЫЙ МЕТАСЮЖЕТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

*Ибатуллина Г.М., Мишина Г.В.,
Радь Э.А., Старицына Ю.А.*

Системное изучение фелицитарной парадигмы русской литературы XIX в., в том числе ее метасюжетной логики, до сих пор не было предпринято в литературоведении. Цель статьи состоит в описании и анализе ключевых для данной парадигмы образно-смысловых инвариантов, актуализированных в творчестве русских писателей XIX в.: А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова; контекстуально затрагиваются также пути воплощения темы счастья в произведениях более широкого круга авторов (Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского и др.). Используя системно-функциональный, структурно-сопоставительный, мифопоэтический методы анализа текста, авторы статьи выделяют ряд знаковых инвариантных оппозиций и тождеств: рациональность – иррациональность счастья; достижимость – недостижимость счастья; счастье – покой; счастье – праведность; счастье – соборность. Исследование приводит к выводу, что диалогическими взаимоотражениями этих смысловых инвариантов обусловлены модификации фелицитарной темы в художественных мирах названных писателей. Основные векторы развития данной тематики определяются в статье в качестве одного из метасюжетов литературы данного периода. Общая логика развития самого фелицитарного метасюжета в русской литературе XIX в. характеризуется как движение между полюсами нравственно-психологических и экзистенциально-метафизических экспликаций.

Ключевые слова: русская литература; концепт счастья; фелицитарная парадигма; метасюжет; оппозиция; инвариант; смысл; текст.

FELICITARY META-PLOT IN THE XIX CENTURY RUSSIAN LITERATURE

*Ibatullina G.M., Mishina G.V.,
Rad E.A., Staritsina Yu.A.*

The systematic study of the felicitary paradigm of the XIX century Russian literature, including its meta-plot logic, has not yet been undertaken in literary criticism. The purpose of the article is to describe and analyze the key to this paradigm of figurative-semantic invariants, actualized in the works of Russian writers of the XIX century: of A.S. Pushkin, I.A. Goncharov, N.A. Nekrasov, A.P. Chekhov; contextually touched are also ways of embodying the theme of happiness in the works of a wider circle of authors (L.N. Tolstoy, N.G. Chernyshevsky, etc.). Using system-functional, structural-comparative, mythopoetic methods of text analysis, the authors of the article distinguish a number of symbolic invariant oppositions and identities: rationality - irrationality of happiness attainability – unattainability of happiness; happiness – rest; happiness – righteousness; happiness – conciliarism. The study leads to a conclusion that dialogic interreflections of these semantic invariants are due to modifications of the felicitary theme in the artistic worlds of these writers. The main vectors of development of this topic are defined in the article as one of the meta-plots of the literature of that period. General logic of development of the very felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature characterized as a movement between the poles of moral-psychological and existential-metaphysical explications.

Keywords: *Russian literature; concept of happiness; felicitary paradigm; meta-plot; opposition; invariant; meaning; text.*

Счастье как особый художественно-философский концепт, реализуемый в литературных текстах, кажется одной из традиционных исследовательских тем в филологии, поэтому фелицитарная проблематика, на первый взгляд, должна бы быть здесь многократно описанной и определенным образом разрешенной. В действитель-

ности образно-смысловая парадигма проблемы счастья в контекстах русской литературы остается практически неизученной, хотя опосредованный анализ мотивных или иных структур, с ней связанных, представляет собой актуальный литературоведческий ракурс исследования. Среди литературоведческих диссертаций последних лет можно назвать работу Куан Хун Ни, непосредственно посвященную данной теме [9], а также работу К. Мартович по исследованию философского мировоззрения А. Грина, во второй части которой рассматривается концепция счастья в произведениях писателя [22]. Философские, социологические и психологические изыскания по фелицитарной проблематике были начаты еще в первой половине XX в., но являлись, скорее, спорадическими, нежели регулярными и методологически отрефлексированными; так, говоря о психологических контекстах исследований, Н.В. Виничук отмечает: «Интерес психологов к изучению счастья появился сравнительно недавно. Только в 1930-е гг. XX в. стали возникать первые эмпирические исследования счастья <...>, где применялись простые и графические типы шкал или списки из основных категорий. Но эти попытки скорее случайность, нежели закономерность» [3, с. 3]. В последние десятилетия фелицитарные изыскания становятся более активными как в отечественной науке, так и за рубежом, причем, в разных областях научного знания, см., например: [7; 11; 15; 19] (исследования авторов данной статьи также были представлены в одной из англоязычных публикаций: [20]). Особенно продуктивны поиски в данной сфере в психологии: [24; 25; 26; 27]; здесь одно из современных ее направлений – «позитивная психология», а также ряд исследований эвдемонической ориентации сосредоточены, по сути, на фелицитарных проблемах. Однако говоря о фелицитарной ситуации в России и российской науке, можно процитировать характерное замечание автора диссертации «Философско-антропологическое исследование категории счастья» И.В. Сидоренко: «... согласно международным социально-психологическим исследованиям <...> Россия, занимающая среднемировой уровень по индексу развития человеческого потенциала, находится на предпоследнем

месте по уровню счастья. Данный факт убеждает в актуальности темы исследования и поднимает проблему разработки целостного понимания категории счастья» [16, с. 4]. Следует отметить, что в соответствии с обозначенной ситуацией находится, видимо, и сравнительное состояние изучения фелицитарной темы в российской и зарубежной науке: в последней эти процессы более целенаправлены и аксиологически осознанны, о чем свидетельствует, например, существование сайта «Всемирная база данных по счастью» [4] и журнала «Journal of Happiness Studies» [21], посвященных подобным исследованиям; не случайно и упомянутые выше литературоведческой направленности работы последнего времени, хотя и посвящены русской литературе, принадлежат зарубежным ученым.

В новейших исследованиях проблематика, связанная с понятием счастья, все чаще определяется латинизированным термином как «фелицитарная». Однако использование новой терминологии взамен традиционной не спасает: счастье – и как психологическое переживание, и как философская категория – еще с античных времен с трудом поддается каким-либо однозначным определениям. Конечно, художественная литература никогда не претендовала на возможность исчерпывающих определений, но опыт ее духовных поисков в этом направлении, эстетически апробированный на протяжении всего ее развития, позволяет высветить ряд аспектов фелицитарной темы, значимых и для художника, и для ученого, и для любой мыслящей личности. Этот опыт может стать предметом обстоятельного исследования, здесь же мы коснемся лишь некоторых существенных, с нашей точки зрения, перспективных для него моментов.

Если ранее, вплоть до последних десятилетий XX в., в литературоведении «счастье» изучалось как «тема» и «проблема», то теперь – как «концепт», «универсалия», «гештальт», иными словами, как духовная константа и категория, находящая выражение в «большом пространстве-времени» (М.М. Бахтин) литературы в качестве особой фелицитарной парадигмы, обуславливающей логику сюжетопорождения во многих знаковых для культуры литературно-художественных текстах. Становится все более очевидным, что попытки

осмыслить сущность человеческого счастья и путей его достижения (или, инверсионно, несчастья и его причин) так или иначе составляет магистральный сюжет фольклора и литературы, который без ложных опасений можно было бы назвать метасюжетом. Действительно, понятая в качестве метасюжета фелицитарная парадигма в значительной мере определяет пути интерпретации многих литературных сюжетов, в том числе, и архетипических. Можно сказать, что все многообразие фольклорных и литературных сюжетных коллизий существует как система инвариантов фелицитарной парадигмы, или, наоборот, сюжеты как инварианты являются коллизиями данного метасюжета.

Концепт счастья рефлексивно актуализируется в культуре на стадии фольклорного сознания, хотя и в разной степени в разных фольклорных жанрах; очевидно, что центральной тема счастья становится для волшебной сказки. Поскольку основная задача данной статьи – исследование собственно литературных контекстов, мы оставим пока в стороне фелицитарные парадигмы волшебной сказки, более подробно описанные в другой работе [6].

Проблемы индивидуального выбора и индивидуального пути к счастью, проблемы несовпадения личностного идеала и реального состояния мира, так же как проблемы внутренних конфликтов личности, препятствующих обретению счастья, сказка не знает. Однако для литературы как следующей стадии развития художественно-философского сознания именно этот ряд проблем становится сюжетообразующим. В древней русской литературе, как известно, проблема индивидуальной личной судьбы и ее драматических коллизий была художественно осознана лишь в XVI–XVII вв., знаковой для наших рассуждений в этом плане является «Повесть о Горе-Злочасти»; ее, видимо, можно считать одним из первых произведений с актуализированной фелицитарной проблематикой, о чем также шла речь в указанной выше работе [6]. Индивидуализированный поиск счастья «неумичивым сердцем человеческим» изображается здесь как источник неизбежного драматизма земного бытия человека. Аналогичную сюжетную ситуацию мы обнаружим и в «Повести

о Савве Грудцыне». Литература XVIII столетия продолжила поиски художественных решений фелицитарных проблем, и основные векторы этих поисков определяются мировоззренческими ориентирами культуры Просветительства. Обстоятельный анализ фелицитарной парадигмы литературы эпохи Просвещения представлен в работе Т.Е. Абрамзон «К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века)». Автор статьи отмечает: «То, что счастье – продукт Просвещения, – факт общепринятый и общеизвестный. Просветителям удалось изменить средневековую картину мира, в которой земной путь человека рассматривался как подготовка к будущей вечной жизни, а страдания мыслились как его необходимая часть и условие небесного блаженства. Они создали новую жизненную парадигму, включающую земное счастье обязательно и непреложно» [1, с. 116]. Однако XIX век в русской культуре во многом отошел от рационализированной Просветителями картины мира, что, несомненно, нашло отражение и в более сложной диалектике литературных и философских рассуждений о счастье.

Следующей знаковой вехой в художественном осмыслении проблемы счастья стало творчество А.С. Пушкина, во многом определившее основные пути фелицитарных рефлексий русской литературы XIX-XX вв. Мысль Пушкина как художника-Протея и здесь многовекторна и подчас амбивалентно-противоречива; не знающая однозначных решений диалектика темы счастья отражена в смысловой полифонии пушкинского мира. Афористично-завершенные авторские рефлексии: «Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она» («Евгений Онегин»: [14, т. 4, с. 41]); «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» («Пора, мой друг, пора...», 1834 г.: [14, т. 2, с. 236]) – диалогически перекликаются с исповедально-страстным, вновь обретенным откровением Онегина: «Я думал: вольность и покой / Замена счастьем. Боже мой! / Как я ошибся, как наказан...» [14, т. 4, с. 153]. Эти строки, как отмечает С.Г. Бочаров, уже не раз были сопоставлены в критике: «Кажется, опыт Онегина последней главы и опыт самого поэта 1834 года отрицают друг друга (и в то же время строка 1834 года, очевидно, восходит к характеристике Татья-

ны в последней главе). Но то и другое поэтическое высказывание в равной степени и вполне убедительно каждое в своем контексте. <...> Та и другая истина – это аспект, относительная истина полного пушкинского мира; но в этом или другом жизненном повороте она становится для человека целостной истиной его жизни» [2, с. 160].

Творчество Пушкина и его роман «Евгений Онегин» можно считать одновременно и завязкой, и одной из кульминаций фелицитарного метасюжета русской литературы XIX в., неслучайно проблема счастья в художественном мире Пушкина неоднократно была и остается предметом внимания исследователей. В дальнейшем в литературе XIX-XX вв. возникает целый ряд сюжетных вариаций, так или иначе резонирующих с пушкинским романом. Сюжет жизненной драмы Татьяны и Онегина находит отражение в истории Печорина и Веры у М.Ю. Лермонтова в «Герое нашего времени», Лаврецкого и Лизы в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева, Катерины в «Грозе» А.Н. Островского, Анны Карениной Л.Н. Толстого, в «Идиоте» и «Кроткой» Ф.М. Достоевского, «Тупейном художнике» Н.С. Лескова, в историях многих чеховских героев и в других, вплоть до XX в. – в произведениях А.И. Куприна или «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака. Мы не ставим сейчас цели исчерпывающего описания системы взаимоотражений этих текстов в рамках фелицитарной парадигмы и ограничимся в данной работе лишь некоторыми существенными наблюдениями и выводами, позволяющими очертить общие контуры анализируемого нами метасюжета.

Обозначенная нами выше пушкинская амбивалентная диада «счастье» и «покой» неоднократно становится предметом диалогических рефлексий в последующей литературе. Один из репрезентативно-знаковых в этом отношении текстов – роман И.А. Гончарова «Обломов», который неизменно на протяжении многих лет остается предметом внимания исследователей (см., например: [18], [23]), однако фелицитарная проблематика произведения практически не затрагивается. Если в мире Пушкина диада счастье – покой реализуется как оппозиция, то в мире Гончарова, ориентированном на топос идиллии, – как тождество, и, на первый взгляд, счастье здесь

равно покою. Но в действительности в художественной философии Гончарова образ самого покоя (а стало быть, и тождественного ему счастья) оказывается уже не равен самому себе, приобретает семантическую неоднозначность и разные возможности интерпретации: есть покой, понимаемый как житейское благополучие, и покой как полнота жизни, достигаемая через гармоническое единство «житейского» и духовно-метафизического в бытии человека. И та, и другая форма счастья-покоя обыгрывается в романе через метафору сна. Так, например, сон становится своеобразной метафорой одухотворенно-эйфорического счастья влюбленных Обломова и Ольги, а затем – семейного благополучия Ольги и Штольца: «Она испытывала счастье и не могла определить, где границы, что оно такое. Она думала, отчего ей так тихо, мирно, ненарушимо-хорошо, отчего ей покойно...» [5, с. 435]; она «все сидела, точно спала – так тих был сон ее счастья» [Там же, с. 436]; «...ее смущала эта тишина жизни, ее остановка на минутах счастья... Но как она ни старалась сбить с души эти мгновенья периодического оцепенения, сна души... настанет... смущение, боязнь, томление, какая-то глухая грусть...» [Там же]. Мы привели здесь лишь некоторые характерные цитаты, однако анализ текста произведения в целом обнаруживает, что в художественной парадигме романа диада счастье – покой существует в двух инвариантах, вступающих в отношения оппозиции и порождающих новый смысловой инвариант-тождество: счастье – сон.

Апофеозом диалогических взаимоотражений этих инвариантов становится в произведении «Сон Обломова» – своеобразное воспоминание о «золотом веке» человечества, когда счастье индивидуальное определялось не столько социальной, сколько сакрально-метафизической вовлеченностью каждого в счастье всеобщее, когда дистанции между житейским и бытийным не существовало. Доминантный смысл для людей здесь приобретают не индивидуальные события, а те, которые способствуют продолжению Семьи в ее экзистенциально-мифологическом понимании – рождения, похороны, свадьбы. Даже личное счастье новобрачных здесь – это возможность через извечный сакральный ритуал подтвердить веч-

ность Рода и приобщиться к счастью Рода. «Счастливые люди жили, думая, что иначе не должно и не может быть...» [Там же, с. 108]. Возникает картина соборного счастья обитателей буколического мира Обломовки – мирных поселян, растворенных в универсально-бытийных ритмах. С одной стороны, это действительно похоже на сновидение, но вместе с тем обломовцы живут творчески-яркой, глубоко погруженной в ритуал жизнью с чувством сопричастности к природно-космическим и духовно-сакральным циклам (посев, сбор урожая, церковный год), жизнью, пронизанной поэзией, музыкой, чувством красоты и гармонии всего сущего.

Фелицитарные контексты романа объемны и многополярны и не могут быть исчерпывающим образом описаны в рамках данной работы, отметим, однако, еще некоторые существенные моменты. Так, в отличие от обитателей «золотого века», живущих в коллективных фелицитарных матрицах, у каждого героя романа имеется свой фелицитарный миф, и счастье мыслится героем как возможность оставаться в границах этого мифа, как возможность окончательно инкарнировать его в реальности, всякая же демифологизация индивидуального образа счастья воспринимается как его разрушение. Характерно, например, что фелицитарное сознание Штольца предполагает переживание счастья как состояния завершенности, итоговой мифологической замкнутости судьбы: «Дождался! Столько лет жажды чувства, терпения, экономии сил души! Как долго я ждал – всё награждено: вот оно, последнее счастье человека!» Всё теперь заслонило в его глазах счастьем...» [Там же, с. 435]. Следует отметить, что степень мифологизированности фелицитарного сознания у персонажей романа разная, и Ольга гораздо меньше погружена в миф, чем Штолец или Обломов, именно поэтому смущает ее «тишина жизни, ее остановка на минутах счастья...» [Там же, с. 436]. В системе авторского сознания эти мифы не случайно оцениваются через онейрические метафоры: миры индивидуальных мифов-сновидений – это миры «грез» и «иллюзий», которые не могут быть полноценно воплощены в жизнь и не могут пересечься в тотальной реальности общего фелицитарного мифа: для совре-

менного человека его уже не существует, так как не существует породившее этот миф патриархальное сознание с коллективными идеалами и ценностями. Парадокс в том, что в иллюзии счастья пребывает не имеющий иллюзий Штольц: после объяснения с Ольгой он «в задумчивом чаду счастья» шёл домой, не замечая дороги, улиц...» [Там же, с. 435] (курсивы принадлежат авторам статьи). Во власти иллюзии оказывается и как будто обретающая счастье Ольга, ставшая невестой Штольца: «Грёза счастья» распростёрла широкие крылья и плыла медленно, как облако в небе, над её головой...» [Там же]. Если не бояться игры слов, можно сказать, что для главного героя произведения – Обломова – фелицитарный миф в финале реализовался не как иллюзия счастья, но как счастье иллюзий-сновидений. Несмотря на очевидный характер этого счастья как бытового комфорта-покоя, как новой Обломовки, воссозданной Агафьей Пшеницыной, оно парадоксальным образом приобретает не столько «житейский», сколько метафизический характер, так как для Обломова здесь важна не комфортная ситуация сама по себе, а возможность оставаться в рамках экзистенциально значимого для него мифа: так, в одной из заключительных глав ему «грезится <...> что он достиг той обетованной земли, где текут реки мёду и молока, <...> где ходят в золоте и серебре» [Там же, с. 493]. Таким образом, используемые Гончаровым онейрические метафоры приобретают в художественном мире романа особые смыслопорождающие функции: сновидение (а также «греза», «иллюзия» как его инварианты) – это форма инкарнации индивидуально-личностного мифа, в том числе и фелицитарного, в реальности современной цивилизации, где мифологизированное бытие личности и мифологизированное идиллическое счастье становится практически невозможным.

Как уже отмечалось выше, когда речь идет о фелицитарных мифах и фелицитарном метасюжете русской литературы, еще одна особая для них тема и ряд значимых коллизий связаны с оппозицией «рациональное – иррациональное» в понимании счастья. Иррациональный характер «злочастья» впервые был проявлен еще

в «Повести о Горе-Злочастии», иррациональность же самого счастья впервые осознанно заявлена в контекстах пушкинского творчества. Ведь если итоговый выбор Татьяны в финале «Онегина» нравственно оправдан и тем самым рационально мотивирован, то в аналогичную финальную ситуацию «Дубровского» вмещивается «всесильный случай»: совсем ненамного опоздал Дубровский, но счастье потеряно навсегда.

Ф.М. Достоевский устами Версилова в «Подростке» говорит, что есть в литературе такие больные сцены, которые пронзают сердце раз и навсегда, и к таким сценам он относил финал «Евгения Онегина» с его трагической нотой: «...а счастье было так возможно, так близко»... [14, т. 4, с. 160]. Постпушкинские тексты, такие как «Гроза» или «Анна Каренина», с точки зрения образно-смысловых контекстов фелицитарного метасюжета, пытаются моделировать иные варианты судеб героев: истории Катерины и Анны начинаются там, где история Татьяны заканчивается. По сути, их сюжеты – своеобразные художественно-оформленные реплики, вступающие в диалог с пушкинскими фелицитарными рефлексиями и пытающиеся ответить на вопросы, так или иначе всплывающие в сознании читателя. Даже если эти вопросы кажутся слишком обывательски-банальными и не согласующимися с органической завершенностью пушкинского текста, они все же спровоцированы самим текстом: возможно ли было счастье, если бы Татьяна сделала иной выбор? Может быть, она слишком сурова к себе и Онегину? Ведь в эпоху, когда добровольно-принудительные браки были обычным делом, столь же обычными были романы вне брака. При всем восхищении цельной натурой Татьяны, нам не приходит в голову осуждать лермонтовскую Веру за ее отношения с Печориным. Но и Вера не обретает счастья: даже в тот миг, когда оно кажется близко, и Печорин понимает, что Вера и есть самое дорогое в его жизни, находится причина сделать это счастье невозможным: в бешеной скачке пытающегося догнать уехавшую Веру Печорина пала его лошадь. Конечно, это иллюзорно-рациональная мотивировка. Можно быть уверенными: если в романе герой так же стремительно мчится на

лошади, догоняя какого-нибудь абрека, Казбича или Азамата, с конем его ничего не случится, в крайнем случае, конь абрека окажется быстрее, и он уйдет от погони. Но если мы видим героя в последней попытке догнать ускользающее счастье с единственной для него возлюбленной, непременно вмешается непредсказуемый случай. «И судьба – не судьба» – определяет народная поговорка подобные рационально необъяснимые «случайные неслучайности». И даже если бы не пала лошадь, нашлась бы, видимо, еще какая-нибудь причина, не менее непредсказуемая: ведь даже бывшая, вроде бы умершая жена Лаврецкого, вдруг неожиданно оказывается живой и возвращается. Как близко и невозможно счастье для Татьяны, Веры, Лизы, так невозможно оно, по другим причинам, для Катерины, Анны, для героев А.И. Куприна или «Чистого понедельника» И.А. Бунина, «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака... Как будто в самом мироустройстве есть нечто роковое, что делает такое близкое и реальное счастье почти иррациональным и нереальным – всюду, где речь идет о совершенной любви или в своем роде совершенных человеческих существах.

Своеобразной кульминацией и одновременно завершающим аккордом в развитии темы иррациональной недостижимости счастья становится «Черный монах» А.П. Чехова. В повести мы найдем диалогические взаимоотражения многих литературных текстов, жанров, образов, стилей, но «онегинскому мифу» (В.А. Кошелев: [8]) здесь принадлежит особое место. Целый ряд образных и сюжетно-смысловых ситуаций повести обнаруживает осознанную ориентацию Чехова на пушкинский текст, более того, в повести даны прямые отсылки к пушкинскому роману: «Онегин, я скрывать не стану, Безумно я люблю Татьяну», – шутливо поёт Коврин в одной из сцен произведения [17, т. 7, с. 292]. Чехов, в отличие от предшественников, трансформирует не финальную ситуацию Онегина, а решается на более масштабный, если можно так выразиться, эксперимент. Если для пушкинских героев земное счастье было недостижимым, то судьбы чеховских героев поначалу складываются благополучно, даже идиллически благополучно. Герои молоды, талантливы, созда-

ны друг для друга и влюблены. Счастливый брак счастливых влюбленных состоялся, и нет абсолютно ничего, что препятствовало бы совершенной гармонии. Однако и для них счастье оказывается лишь возможностью: появление Черного монаха в жизни Коврина становится началом будущей катастрофы. (Конечно, художественная диалектика повести гораздо сложнее, и здесь мы сознательно редуцируем ее до определенных итоговых сюжетно-смысловых векторов; так, мы оставляем в стороне вопрос о сути эйфорических фелицитарных состояний Коврина во время его встреч с Черным монахом.) Чехов моделирует иной вариант истории героев, но инверсия сюжета не меняет результата: итоговый смысл их судеб оказывается неожиданно и драматически схожим. Параллели с пушкинским сюжетом обнаруживают в мире Чехова некую загадочную, «роковую» невозможность счастья в его житейском благополучном понимании. Сама фигура Чёрного монаха становится знаком того иррационального, фатального драматизма, который подстерегает не только «идеальную» или «идиллическую» любовь, но и всё, что стремится соединить идеал с жизненным благополучием. (Вспомним, что в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя такую же знаковую роль играет образ странной черной кошки, появление которой разрушает идиллическое бытие героев).

Однако не случайно Чехова называют Пушкиным в прозе. Трагические надломы бытия открыты им как никому другому, но это парадоксальным образом не разрушает, а обостряет ощущение красоты и гармонии человеческой жизни. Как для Пушкина, так и для Чехова жизнь прекрасна и в самой своей драматичности. Именно это открывается Коврину в его финальной катастрофе и одновременном катарсическом просветлении, правда, постичь красоту и смысл земного существования во всей их полноте он сумел лишь на границе жизни и смерти: «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна» [Там же, с. 321]. Парадокс в том, что Коврин здесь не просто

вспоминает о былом счастье, он практически впервые осознанно переживает его в эти несколько мгновений перед смертью, дарующих ему ощущение полноты существования. Счастье в чеховском понимании оказывается переживанием экзистенциальным, рождающимся в состояниях, где человеческая душа и сознание преодолевают бытийные границы между жизнью и смертью, духом и телом, между небесным и земным, индивидуально-личностным и универсально-целостным, рациональным и иррациональным. Подобное метафизическое переживание счастья оказывается не зависящим от событийного рисунка судьбы и может открыться любому человеческому сознанию, но драма в том, что познать это откровение можно лишь в особом, «трансгредидентном» состоянии бытия: обретенная способность к мирочувствию, не отрешенному от «фабульного» потока жизни, но и не поглощенному им.

Таким образом, в творчестве Пушкина и Чехова параболически проецируются метафизические, экзистенциальные, иррациональные «концы» и «начала» фелицитарного метасюжета. Параболически, а не линейно, поскольку логика его развития в литературе XIX в. определяется, на наш взгляд, не линейно-поступательным движением – от Пушкина к Чехову, – не синтагматически, а парадигматически: он функционирует как метауровневая образно-смысловая парадигма, реализующаяся в виде ряда инвариантов (оппозиций и тождеств) в разных художественных мирах. Вычерчивая основные координаты фелицитарного конфликта и путей его разрешения, русская литература «между Пушкиным и Чеховым» живет в непрерывном художественно-рефлексийном диалоге, в контрапунктных взаимосцеплениях и взаимооспоривании. Так, в постпушкинских литературных контекстах в равной мере актуализируются и рациональные, и иррациональные моменты фелицитарного сюжета. Авторски осознанное сюжетообразующее значение эта оппозиция приобретает, например, в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, где «рациональное» счастье Левина живет в контрапункте с «иррациональной», в конечном итоге, невозможностью счастья для Анны. Наиболее отчетливо рационализована фелицитарная тема, видимо, в творчестве Н.А. Некрасова.

В поэме «Тишина» (1856–1857) личное счастье аннулировано из ряда жизненных ценностей – и не потому, что оно «невозможно» или «недостижимо», а потому, что должно осознанно уступить место иным эвдемоническим идеалам: «Его примером укрепись, / Сломившийся под игом горя. / За личным счастьем не гонись / И Богу уступай не споря» [13, т. 4, с. 57]. Более того, счастье в той форме, в какой оно доступно крестьянину, в «Тихине» выглядит сомнительно-амбивалентным: «Его ли горе не скребет? – / Он бодр, он за сохой шагает. / Без наслажденья он живет, / Без сожаленья умирает» [Там же]. Умереть без сожалений не означает умереть счастливым, не говоря уже о том, что счастье без наслажденья жизнью – нонсенс. Счастье здесь заменяется душевным покоем, достигаемым через религиозность, покаяние, обретение разумно-рационального равновесия несовершенного человека и несовершенного мира с Богом.

Более поздняя, во многом итоговая, хотя и незавершенная, поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» уже не аннулирует, а актуализирует фелицитарную тему и посвящена поискам «счастливого», которые с движением сюжета превращаются в поиски сути самого счастья: в итоге эвдемонический идеал здесь соединяется с фелицитарным, что вновь рационализирует и то и другое. К финалу поэмы, как известно, вопрос о достижимости счастья заменяется вопросом об истинном понимании счастья, что выглядит убедительным, когда речь идет о Грише Добросклонове: жить праведно – значит быть счастливым. Но в контексте общелитературной фелицитарной парадигмы неизбежно вспомнится Татьяна Ларина, сделавшая праведный выбор и откровенно признавшаяся, что она «не-счастлива»: счастье для нее осталось лишь *возможным*. Не стала бы более счастливой и Анна Каренина Толстого, сделай она, вслед за Татьяной, более праведный и разумно-правильный выбор. Праведность и личное счастье сумели соединить герои Н.Г. Чернышевского, но здесь художественная логика самого романа «Что делать?» откровенно признает его в большей мере проповедью, притчей и утопией, нежели непосредственным отражением реалий существующей действительности.

Н.А. Некрасов отчетливо близок к Л.Н. Толстому не только в попытках рационального осмысления сущности счастья как праведности, но и в стремлении рационально понять и объяснить пути его достижения. Однако в отличие от Толстого, у которого герою из народа понимание того и другого дано изначально, у Некрасова подобные рефлексии характерны как для просвещенного героя, так и для крестьянина. Для обоих художников счастье праведности имеет соборный характер и обретается через единение с народной жизнью. Но герой-интеллигент Некрасова не может, подобно Левину, слиться с органической идиллией крестьянского мира, поскольку мир Некрасова такой идиллии не знает, даже и после отмены крепостного права поэт задается вопросом: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» [13, т. 3, с. 151]. Оригинальность рационально-оформленной некрасовской позиции также и в том, что фелицитарная проблематика в его художественном мире (исключая поэму «Мороз, Красный нос», которая требует особого разговора) интегрирована с социальной, поэтому счастье-праведность для некрасовского интеллигента – не только в спасительной причастности к народной жизни (как у Толстого), но одновременно и в выполнении миссии спасителя по отношению к крестьянской жизни и душе.

Интеграция религиозно-мифологического, духовно-нравственного и социального аспектов в понимании счастья, определяющая своеобразие фелицитарной парадигмы Некрасова, обнаруживает параллели в русском народном мирознании и культуре. Так, Ю.М. Лебедев [10, с. 154], считает, что в основу некрасовской эпопеи «Кому на Руси жить хорошо?» была положена популярная легенда о Беловодье. В русских преданиях это одновременно и страна свободы, и страна праведных, и страна счастливых, которая ассоциируется с (в)ирием – раем древних славян. В фольклоре русских крестьян XVII-XIX в. Беловодье – чудесная страна, с богатыми землями и природой, свободная от гнета, где вдали от мира живут святые праведники, где главенствует добродетель и справедливость. Попасть в эту страну могли только добродетельные люди. Ее называли «Страной справедливости и благоденствия», «Страной За-

претной», «Страной Белых Вод и Высоких Гор», «Страною Светлых Духов», «Страною Живого Огня» (См. об этом: [12, с. 46]).

Беловодье как фелицитарный локус народного мирознания фигурирует и в других, более поздних произведениях русской литературы; например, в драме М. Горького «На дне» о «праведной земле» рассказывает Лука. Следует отметить, что позиция самого автора пьесы по отношению к этой утопии неоднозначна. Не случайно, оппозицию Луке здесь составляет Сатин, декларирующий футурологическую концепцию счастья, рассуждающий о будущем как об эпохе реализации счастья «сверхчеловека». Счастье этого «особенного человека» – тоже счастье правды и праведности, но путь к нему – не мистико-утопическое путешествие в Беловодье, путь к нему лежит через жертвы предыдущих поколений. Далее в литературе XX в. поиски страны крестьянского счастья станут сюжетно-значимыми векторами и в поэме С.А. Есенина «Инония», в «Стране Муравии» А.Т. Твардовского, и в ряде других произведений, отчетливо ориентированных как на общее народно-крестьянское понимание эвдемонических ценностей, так и на конкретно некрасовскую традицию.

Таким образом, контурно очерчивая общую логику развития фелицитарного метасюжета в контекстах русской литературы XIX в., можно определить основной его вектор как движение между полюсами нравственно-психологических экспликаций и экзистенциально-метафизических. Мы оставили здесь в стороне некоторые несомненно значимые в нашем контексте имена – например, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, однако в рамках небольшой статьи полномасштабно описать фелицитарный текст русской литературы XIX в., естественно, невозможно. Феноменология счастья, реализованная в художественных мирах каждого из авторов, требует отдельного обстоятельного разговора. Мы попытались логически очертить смысловые контуры фелицитарной парадигмы литературы данного периода через анализ взаимоотражений некоторых ключевых, на наш взгляд, инвариантных оппозиций и тождеств: рациональность – иррациональность счастья; достижимость – недостижимость счастья; счастье – покой; счастье – сон;

счастье-благополучие (житейско-бытовое) и счастье-полнота жизни (бытийное); счастье – праведность; счастье – соборность.

Подобная же логика взаимоотражений нравственно-психологических и духовно-метафизических экспликаций во многом определяет и фелицитарную проблематику литературы XX в., достигая своеобразного предела, видимо, в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова, где фелицитарный конфликт приобретает чисто метафизическое разрешение не только на сюжетном, но и на фабульном уровне. Разумеется, многоликость и смысловая многополярность литературы XX в. предполагает и другие возможные пути разрешения данного конфликта, и иные возможности интерпретации классических для литературы фелицитарных инвариантов, имеющих сюжетопорождающее значение. Исчерпывающее описание исследуемой нами здесь проблематики, как и анализ всех произведений, ее актуализирующих, невозможны в границах одной работы, и более детальное изучение особенностей реализации образно-смысловой парадигмы проблемы счастья в произведениях русской литературы XIX–XX вв. остается перспективой наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. Научный рецензируемый сборник. Выпуск 1: Литературный процесс: историческое и современное измерения. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2015. С. 116–134.
2. Бочаров С.Г. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // *Проблемы поэтики и истории литературы*. (Сборник статей). Саранск: Изд-во Мордовского гос. университета им. Н.П. Огарева, 1973. С. 147–163.
3. Виничук Н.В. Психосемантический анализ представлений о счастье китайских и российских студентов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск: ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», 2008. 22 с.
4. Всемирная база данных по счастью. URL: <http://www.eur.nl/fsw/research/happiness> (дата обращения 15.04.2020).

5. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М.: Художественная литература, 1953. 518 с.
6. Ибатуллина Г.М. «А счастье было так возможно...»: фелицитарная тема и ее интерпретации в русской литературе // Кормановские чтения: Статьи и материалы / Редактор и сост. Д.И. Черашняя; редколлегия: Т.В. Зверева, Н.Г. Медведева, Е.А. Подшивалова. Выпуск 13. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. С. 69–75.
7. Идельбакова [Мигранова] Л.Ш. Счастье как гештальт фелицитарной оценки в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Русский язык и методика его преподавания: Традиции и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 29–30 марта 2006 г. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. С. 150–153.
8. Кошелев В.А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин / Редкол.: В.Б. Катаев (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1998. С. 147–154.
9. Куан Хун Ни. Проблема счастья / несчастья в произведениях Людмилы Петрушевской и Чи Ли: Дисс. ... канд. филол. н. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. 399 с.
10. Лебедев Ю.В. На пути к Н.А. Некрасову // Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: Историко-литературные очерки. М.: Классик Стиль, 2005. С. 93–160.
11. Левит Л.З. «Счастье от ума» / 2-е издание, доп. и переработанное. Минск: Издательство «А.Н. Вараксин», 2009. 320 с.
12. Мифологический словарь / Под ред. А.П. Семенова. М: Аист, 2004. 539 с.
13. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15 томах / Под ред. В.Г. Базанова, А.И. Груздева, Н.В. Осьмакова и др. Л.: Наука – Ленинградское отделение, 1982.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений в 10 томах / Собр. соч. под набл. М.П. Еремина. М.: Правда, 1981.
15. Рудакова С.В. Философия счастья в лирике Е.А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». Екатеринбург, 2012. № 4 (108). С. 103–114.

16. Сидоренко И.В. Философско-антропологическое исследование категории счастья: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2006. 42 с.
17. Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах / Под общ. ред. В.В. Ермилова, К.Д. Муратовой, З.С. Паперного, А.И. Ревякина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1964.
18. Goncharov's "Oblokov": A Critical Companion / Ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern UP, 1998. 200 p.
19. Hagerty M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64, pp. 1–27.
20. Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad E.A., Staritsyna J.A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature // *GEPLAT: Caderno Suplementar*, no 1. 2020. URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/673> (дата обращения: 15.04.2020).
21. *Journal of Happiness Studies*. URL: <http://www.journalofhappiness.net/page/editorial-board> (дата обращения: 15.04.2020).
22. Martowicz K. The work of Aleksandr Grin (1880–1932): A study of Grin's philosophical outlook. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews. 2011. 220 p. URL: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/>; <http://hdl.handle.net/10023/2467> (дата обращения: 15.04.2020).
23. Molnár A. Goncsarov hármaskönyve. Budapest: Argumentum, 2012. 342 o.
24. Myers D., Diener E. The pursuit of happiness // *Scientific American*. Vol. 274, no 5 (1996/5/1), pp. 70–72.
25. Pavot W., Diener E. Happiness experienced: The science of subjective well-being // *The Oxford handbook of happiness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013, pp. 134–151.
26. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52, pp.141–166.
27. Seligman M.E.P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York: Free Press, 2011. 349 p.

References

1. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (poeziya KhVIII veka) [On the question of Russian happiness (poetry of the eighteenth century)]. *Libri Magistri. Nauchnyy retsenziruemyy sbornik. Vypusk 1: Literaturnyy protsess: istoricheskoe i sovremennoe izmereniya* [Libri Magistri. Scientific peer-reviewed collection. Issue 1: Literary Process: Historical and Contemporary Dimensions]. Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet im. G.I. Nosova, 2015, pp. 116–134.
2. Bocharov S.G. «Svoboda» i «schast'e» v poezii Pushkina [“Freedom” and “happiness” in Pushkin’s poetry]. *Problemy poetiki i istorii literatury. (Sbornik statey)* [Problems of poetics and literary history. (Digest of articles)]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gos. universiteta im. N.P. Ogareva, 1973, pp. 147–163.
3. Vinichuk N.V. *Psikhosemanticheskiiy analiz predstavleniy o schast'e kitayskikh i rossiyskikh studentov* [Psychosemantic analysis of the image of happiness of Chinese and Russian students]: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. Khabarovsk: GOU VPO «Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya», 2008. 22 p.
4. *Vsemirnaya baza dannykh po schast'yu* [The world database on happiness]. URL: <http://www.eur.nl/fsw/research/happiness>
5. Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy v 8-mi tomakh* [Collected works in 8 volumes]. T. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1953. 518 p.
6. Ibatullina G.M. «A schast'e bylo tak vozmozhno...»: felitsitarnaya tema i ee interpretatsii v russkoy literature [“And happiness was so possible ...”: felicitic theme and its interpretations in Russian literature]. *Kormanovskie chteniya: Stat'i i materialy* [Kormanovskie readings: Articles and materials] / ed. D.I. Cherashnyaya; T.V. Zvereva, N.G. Medvedeva, E.A. Podshivalova. Issue 13. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2014, pp. 69–75.
7. Idel'bakova [Migranova] L.Sh. Schast'e kak geshtal't felitsitarnoy otsenki v romane «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [Happiness as a gestalt of felicitic assessment in the novel “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy]. *Russkiy yazyk i metodika ego prepodavaniya: Traditsii i sovremennost': Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29-30 marta 2006 g. Ch. 1* [Russian language and methods of teaching it:

- Traditions and modernity: Materials of the All-Russian scientific-practical conference on March 29-30, 2006. Part 1]. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, pp. 150–153.
8. Koshelev V.A. Oneginskiy «mif» v proze Chekhova [Onegin “myth” in Chekhov’s prose]. *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin [Chekhoviana: Chekhov and Pushkin]* / ed.: V. B. Kataev et al. M.: Nauka, 1998, pp. 147–154.
 9. Kuan Khun Ni. *Problema schast’ya / neschast’ya v proizvedeniyakh Lyudmily Petrushevskoy i Chi Li* [The problem of happiness / unhappiness in the works of Lyudmila Petrushevskaya and Chi Li]: Diss. ... kand. filol. n. M.: Mosk. ped. gos. un-t, 2008. 399 p.
 10. Lebedev Yu. V. Na puti k N.A. Nekrasovu [On the way to N.A. Nekrasov]. *Dukhovnye istoki russkoy klassiki. Poeziya XIX veka: Istoriko-literaturnye ocherki* [Spiritual origins of the Russian classics. Poetry of the XIX century: Historical and literary essays]. M.: Klassik Stil’, 2005, pp. 93–160.
 11. Levit L.Z. «Schast’e ot uma» [“Happiness from the mind”]. Minsk: Izdatel’stvo «A.N. Varaksin», 2009. 320 p.
 12. *Mifologicheskii slovar’* [Mythological dictionary] / ed. A.P. Semenov. M: Aist, 2004. 539 s.
 13. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 15 tomakh* [Complete works and letters in 15 volumes] / ed. V.G. Bazanov, A.I. Gruzdev, N.V. Os’makov et al. L.: Nauka – Leningradskoe otdelenie, 1982.
 14. Pushkin A.S. Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes] / Sobr. soch. pod nablyud. M.P. Eremina. M.: Pravda, 1981.
 15. Rudakova S.V. Filosofiya schast’ya v lirike E.A. Boratynskogo [The philosophy of happiness in the lyrics of E.A. Boratynsky]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarnye nauki»*. Ekaterinburg, 2012, no 4 (108), pp. 103–114.
 16. Sidorenko I.V. *Filosofsko-antropologicheskoe issledovanie kategorii schast’ya* [Philosophical and anthropological study of the category of happiness]: Avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2006. 42 p.
 17. Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy v dvenadtsati tomakh* [Collected works in twelve volumes] / ed. V.V. Ermilov, K.D. Muratova, Z.S. Paper-

- ny, A.I. Revyakin. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1960–1964.
18. Goncharov's "Oblomov": A Critical Companion / Ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern UP, 1998. 200 p.
 19. Hagerty M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness. *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64, pp. 1–27.
 20. Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad E.A., Staritsyna J.A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature. *GEPLAT: Caderno Suplementar*, no 1. 2020. URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/673>
 21. *Journal of Happiness Studies*. URL: <http://www.journalofhappiness.net/page/editorial-board>
 22. Martowicz K. The work of Aleksandr Grin (1880-1932): A study of grin's philosophical outlook. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews. 2011. 220 p. URL: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/>; <http://hdl.handle.net/10023/2467>
 23. Molnár A. Goncsarov hármaskönyve. Budapest: Argumentum, 2012. 342 o.
 24. Myers D., Diener E. The pursuit of happiness. *Scientific American*. Vol. 274, no 5 (1996/5/1), pp. 70–72.
 25. Pavot W., Diener E. Happiness experienced: The science of subjective well-being. *The Oxford handbook of happiness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013, pp. 134–151.
 26. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52, pp. 141–166.
 27. Seligman M.E.P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York: Free Press, 2011. 349 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ибатуллина Гузель Мртазовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент *Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета*

*пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
guzel-anna@yandex.ru*

Мишина Галина Витальевна, доцент кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, кандидат филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
MishinaGV@yandex.ru*

Радь Эльза Анисовна, профессор кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, доктор филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
Elza_rad@mail.ru*

Старицына Юлия Александровна, доцент кафедры русского языка и литературы СФ БашГУ, кандидат филологических наук, доцент
*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
пр. Ленина, 49а, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан,
453116, Российская Федерация
zodp24@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ibatullina Guzel Mrtazovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor

Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
guzel-anna@yandex.ru
SPIN-code: 1001-3010
ORCID: 0000-0002-9016-760X

Mishina Galina Vitaljevna, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
MishinaGV@yandex.ru
SPIN-code: 7990-1561
ORCID: 0000-0002-5419-0415

Rad Elza Anisovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Doctor of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
Elza_rad@mail.ru
SPIN-code: 3021-5506
ORCID: 0000-0001-5873-8954

Staritsyna Julia Alexandrovna, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of Philology, Associate Professor
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
49, Lenin Prospect, Sterlitamak, 450103, Bashkortostan, Russian Federation
zodp24@bk.ru
ORCID: 0000-0002-3982-6403